

Нормуродова Н.З., д.ф.н., доцент
Заведующая кафедрой «Межкультурная
коммуникация и туризм»
Ташкентский государственный университет
узбекского языка и литературы им. А.Наваи
г. Ташкент, Узбекистан

**РОЛЬ ЭПИГРАФА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ
КАРТИНЫ МИРА АВТОРА**

Аннотация: В статье рассматриваются эпиграф, раскрывающий глубинную структуру текста, что способствует осмыслению эпиграфа в новом контексте. В теории интертекстуальности эпиграфы как самостоятельные элементы структуры художественного текста рассматриваются в качестве отдельной категории декодирования текста, которая имеет аллюзивную природу. Интертекстуальность эпиграфа связана с такими его свойствами, как рефрейминг и реинтерпретируемость. Рефрейминг – это смена фреймовой структуры и помещение эпиграфа в альтернативный фрейм. Такая смена фреймов естественно ведет к реинтерпретируемости, т.е. повторной интерпретации эпиграфа в контексте текста реципиента.

Ключевые слова: Концептуальная картина мира, эпиграф, рефрейминг, реинтерпретируемость, интертекстуальность.

N.Z. Normurodova, DSc, Associate Professor
Head of the Department "Intercultural
Communication and Tourism
Alisher Navo'i Tashkent State University of
Uzbek Language and Literature
Tashkent, Uzbekistan

ROLE OF THE EPIGRAPH IN REPRESENTATION OF THE AUTHOR'S CONCEPTUAL WORLD PICTURE

Abstract: The article considers the epigraph as a revealing item of the deep structure of the text, which contributes to the comprehension of the epigraph in a new context. In the theory of intertextuality, epigraphs as independent elements of the structure of a literary text are considered as a separate category of text decoding, which has an allusive nature. The intertextuality of the epigraph is associated with such properties as reframing and reinterpretation. Reframing is changing the frame structure and placing the epigraph in an alternate frame. Such a change of frames naturally leads to reinterpretation, i.e. re-interpretation of the epigraph in the context of the recipient's text.

Key words: Conceptual world picture, epigraph, reframing, reinterpretability, intertextuality.

Антропоцентрический подход к исследованию языковых явлений способствовал становлению нового направления в лингвистике – лингвоперсонологии. Ключевым понятием этого направления является языковая личность, которая рассматривается с различных точек зрения, и ставит перед исследователями целый ряд проблемных вопросов. Это структура языковой личности, типология ЯЛ, лингвокогнитивные, психолингвистические, коммуникативно-прагматические аспекты ЯЛ [1,2, 4, 5, 6, 7].

Развитие лингвоперсонологии, дискурсологии и коррелирующих с ними дисциплин критического дискурсивного анализа расширило представление о языковой личности. Понятие «языковая личность» получило дальнейшее развитие и применительно к дискурсивному анализу преобразилось в новый термин – ДЛ [5,7]. Использование этого термина обусловлено тем, что в процессе коммуникации понятие языковой личности расширяется и обогащается за счет дискурсивных практик, что обусловлено пересечением коммуникативных и когнитивных факторов.

ДЛ понимается нами как совокупность языковых способностей человека, отражающих семантико-стилистические, прагматические, когнитивные, культурологические, психологические характеристики, обуславливающие создание и восприятие дискурса, и различающиеся: а) по степени семантико-стилистической языковой сложности ДЛ автора и персонажа; б) по характеру языковой репрезентации коммуникативно-прагматических факторов для характеристики ДЛ автора и персонажа; в) по глубине отражения интеллектуальной сферы и тезауруса ДЛ автора и персонажа; г) по степени выражения общечеловеческих и национально-специфических культурных ценностей ДЛ автора и персонажа; д) по отражению психологических, индивидуально-личностных особенностей ДЛ автора и персонажа, представляющих как индивидуально-лексическую систему, отражающую ассоциативно-семантическое поле.

ДЛ автора является основополагающей категорией ХД, который отражает индивидуально концептуально значимую картину мира автора, его знания о мире, ценностные и эстетические установки. Изучение ДЛ автора направлено на выявление особенностей его идиостиля и своеобразия индивидуально авторской художественной картины мира. Дискурсивная личность автора проявляется в словесно-речевой структуре художественного текста, определяющей взаимодействие всех, без исключения, элементов художественного дискурса. Однако в структуре ХД можно выделить отдельные фрагменты и языковые единицы, в которых ДЛ автора проявляется наиболее отчетливо. Это – авторские размышления, авторские сентенции, заглавие, эпиграф, описательные контексты и лингвоконцепт. ДЛ автора и персонажа и их репрезентация в художественном дискурсе являются очевидным свидетельством проявления антропоцентризма, который непосредственно связан с такими категориями, как авторская модальность и интенциональность.

Одним не менее важным языковым маркером авторской субъективной модальности является эпиграф. Эпиграф — это связующее звено текста в

процессе общения между автором и читателем. При этом эпитафия, как и сам заголовок, считается дополнительным элементом основного комплекса заголовков. Это двусторонний, двунаправленный эпитафия: здесь содержится ссылка на оригинальный текст и на цитируемый текст, следовательно, его значение необходимо искать в точке соприкосновения интратекстовых и нетекстовых построений. Как и название, эпитафия демонстрирует углубленную структуру самого текста, причем последний содействует восприятию эпитафия в совершенно ином содержании. В теории интертекстуальности эпитафии как самостоятельные элементы структуры художественного текста рассматриваются в качестве отдельной категории декодирования текста, которая имеет аллюзивную природу. Изучение эпитафия как составного элемента механизма интертекстуальности способствует более полному пониманию и объяснению синтагматических и парадигматических отношений внутри текста, а также взаимосвязи конкретного текста с другими литературными произведениями. Эпитафия вводит целый пласт культурной информации в художественный текст, дает возможность автору произведения обозначить свое отношение к общей культурной ситуации.

Интертекстуальность эпитафия связана с такими его свойствами, как рефрейминг и реинтерпретируемость. Как уже отмечалось ранее, рефрейминг – это смена фреймовой структуры и помещение эпитафия в альтернативный фрейм [7]. Такая смена фреймов естественно ведет к реинтерпретируемости, т.е. повторной интерпретации эпитафия в контексте текста реципиента. Ниже мы рассмотрим эпитафия в романе С. Моэма “The Painted veil”.

“...the Painted Veil which those who live call LIFE.”

Эти строки заимствованы из знаменитого сонета П. Б. Шелли, в котором представлен концепт Life, характеризуемый набором негативно-оценочных концептуальных признаков (unreal, mimic, fear). В эпитафия выражены структуры литературных знаний, заложенных в данном сонете. Опорным

компонентом данного эпиграфа является словосочетание “The painted veil”, концептуальная структура которого выводится из сонета П.Б. Шелли.

*Lift not the painted veil which those who live Call Life:
though unreal shapes be pictured there,
And it but mimic all we would believe
With colours idly spread, behind lurk Fear and Hope twin Destinies;
whoever weave Their shadows, over the chasm, sightless and drear.*

“The Painted Veil” – это жизнь нереальная, нарисованная, придуманная, карикатурная, пустая и мрачная. Эти концептуальные признаки заложены в основу всего произведения, которое повествует о трагической судьбе молодой четы, о гибели главного героя, который в стремлении отомстить погибает сам. Эпиграф, помещенный в альтернативный фрейм способствует интерпретации всего произведения и, помимо вышеназванных концептуальных признаков, приобретает дополнительные концептуальные смыслы, заключающиеся в том, что судьба человека стремящегося отомстить ближнему, неминуемо обречена на гибель. Это идея также подтверждается используемым в тексте сентенций интертекстуального характера “the dog it was that died”, взятого из известной элегии О. Голдсмита, в которой бешеная собака кусает человека, из-за чего ему пророчат неминуемую смерть, но в итоге умирает сама собака.

Концептуальные признаки придают ему дополнительную смысловую информацию, в результате чего наращивается общий информативный потенциал всего словосочетания painted veil, что чрезвычайно важно для отражения компонентов концептуального содержания сонета.

Вышеприведенный сонет может служить вспомогательной отсылкой для восприятия и декодирования эпиграфа, так как он в данном случае очень краток и выделен многоточием, который акцентирован автором намеренно, оставляя открытой простор для интерпретации. Использование аллюзивного заголовка эпиграфа активизирует структуры знаний, в данном случае литературного характера.

В структурном плане эпитафия имеет разные формы выражения высказываний, состоящих из одного предложения, сокращенного предложения, видоизмененных предложений и целого ряда предложений. Кроме того, эпитафия может быть основана на использовании определенного сюжета. Рассмотрим это положение в следующем эпитафии в романе К. Маккалоу *“Thorn Birds”*.

“There is a legend about a bird which sings just once in its life, more sweetly than any other creature on the face of the earth. From the moment it leaves the nest it searches for a thorn tree, and does not rest until it has found one. Then, singing among the savage branches, it impales itself upon the longest, sharpest spine. And, dying, it rises above its own agony to out-carol the lark and the nightingale. One superlative song, existence the price. But the whole world stills to listen, and God in His heaven smiles. For the best is only bought at the cost of great pain ... Or so says the legend..”
— Colleen McCullough, *The Thorn Birds*.

Этот эпитафия основан на кельтской легенде о птице, которая поет лишь однажды за всю жизнь и погибает от колючих ветвей терновника. Эта легенда также нашла отражение в сказке О.Уайлда *“Соловей и Роза”*. В произведении К.Маккалоу *“Поющие в терновнике”* использован эпитафия, который построен, с одной стороны, на старинном кельтском предании, с другой – на сюжете сказки. Таким образом, эпитафия имеет двойную референтную соотнесённость, что, безусловно, обогащает его когнитивно-концептуальную структуру. Следует подчеркнуть, что сам эпитафия представляет законченный текст, характеризуемый стилистической конвергенцией, является эмоционально насыщенным и концептуально значимым. Высокая степень эмотивности и оценочности обусловлена использованием многих эпитетов (sweetly, savage, the longest, the sharpest, superlative, best, great), оценочных слов (agony, out carol, pain), перифразы (God in his heaven smiles). Концептуальная значимость эпитафия выражается

в мысли автора, что за все хорошее приходится платить, иногда ценой за своей жизни.

В контексте данного произведения концептуальный смысл эпиграфа дополняется и обогащается. В романе несколько сюжетных линий, мотивов, но безусловно, это история большой, но запретной любви Мэгги и священника Ральфа де Брикассара. Фактуальная информация данного романа заключается в следующем Мэгги главная героиня любит священника Ральфа, который по канонам католической конфессии, не имеет право на женитьбу. Поэтому рождение сына как результата их любовной связи является с точки зрения религии большим грехом. Но Мэгги, осознавая это, не может противиться своему чувству глубокой любви. В конце романа Мэгги остается одна из-за гибели сына и любимого человека. Подобно легенде о погибшей птице концовка романа также включает идею гибели людей, что также символизирует духовную гибель героини. Концептуальный смысл романа заключается, с одной стороны, в том, что за свои грехи надо платить, с другой – любовь выше жизни, греха и предубеждения. Эта мысль прослеживается в сказке О.Уайлда “Соловей и Роза” (*Yet Love is better than Life, and what is the heart of a bird compared to the heart of a man?*), а также в анализируемом романе в НПР, утверждающий, что никакие запреты, трагические последствия не могут препятствовать великому чувству любви: Мэгги *“The bird with the thorn in its breast, it follow an immunatable law; it is driven by it knows not what to impale itself, and die singing. At the very instant the thron enters there is no awareness in it of the dying to come; it simply sings and sings until there is not the life left to utter another note. But we, when we put the thorns in our breasts, we know. We understand. And still we do it. Still we do it”* [Colleen Mccullough, p. 649].

Таким образом, обладая очевидными свойствами интертекстуальности, эпиграф способен совмещать два вида межтекстового взаимодействия,

происходящего за счет актуализации смыслов на разных фреймовых структурах.

Использованные источники:

1. Ашурова Д.У. Новые тенденции в развитии стилистики//тил ва нутк систем-сатх талкинида: сборник научных-теоретических конф. Самарканд, СамГИИЯ.2005. – С.7-9.
2. Ашурова Д.У. Развитие когнитивной лингвистики в Узбекистане//Хорижий филология: тил, адабиёт, таълим. – С., 2016 -№3,54-58 с.
3. Джусупов Н.М. Когнитивная стилистика: теория и практика стратегии выдвижения в художественном тексте. – Ташкент, 2019 – 464 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2004. – 390 с.
5. Стратийчук, Е. Ю. Персональность как текстообразующая категория художественного текста (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Стратийчук. – Ростов н/Д., 2006. – 23 с.
6. Sirojiddinov Sh.S., Normurodova N.Z. Pragmatics and Cognition: Intention and Conceptualization in Discourse//International Journal of Engineering and Advanced Technology (IJEAT). Blue Eyes Intelligence Engineering & Sciences Publication, 2019. – Vol.9 Issue 1. –P. 1456-1464.
7. Нормуродова Н.З. Вербальная экспликация антропоцентризма в англоязычном художественном дискурсе. – Автореф..дисс.докт.наук.- 2020, 78 с.